

30.09.2019, 16:34 Москва

свой опыт

«Соблюдения закона требует?»: как задержанному в метро приписали участие в протестах

На акции против недопуска в Мосгордуму независимых кандидатов 3 августа задержали как минимум 1001 одного человека. Среди них — задержанный в метро, которому приписали участие в протестах, проходивших в это время на улице. Сотрудник СК изъял у него телефон по уголовному делу о «массовых беспорядках». Молодого человека уже оштрафовал Бабушкинский суд, в начале октября у него апелляция в Мосгорсуде. Рассказчик пожелал остаться анонимным.

Я собирался встретиться на метро «Чеховская» с близким человеком. Без нескольких минут пять мы выходили

из метро, и еще не успели выйти, как у турникетов перед эскалаторами к нам подошли пять или шесть сотрудников полиции, попросили документы. Я поинтересовался, в связи с чем. Полицейские ответили, что, возможно, я со своим близким человеком нахожусь в федеральном розыске, и они должны это проверить. Меня такой ответ не очень устроил, но я подчинился их требованиям. Прошел с ними в стеклянную будку, она на выходе из метро.

Мой товарищ оставался снаружи будки: он не задавал им вопросы, и потому особо их не интересовал. Я дал полицейским паспорт, они посмотрели, ни в какой базе, естественно, меня не нашли. Затем они захотели проверить мои вещи на сканере, какие стоят в метро. От этого я вежливо отказался, сославшись на приказ Минтранса — есть такой — обязывающий ограждать досмотровую зону, чтобы посторонние люди не видели, что на экране сканера, в вещах у других людей. В метро эти зоны не огорожены.

Я сказал полицейским, что от досмотра не отказываюсь, у меня ничего запрещенного с собой нет. Но тогда давайте составлять протокол досмотра. Это их нереально выбесило: они ответили, что никакой протокол составлять не будут и это вообще не досмотр. Просто на сканере посмотрят.

Мне начали предлагать подписать уведомление о каком-то митинге, который, оказывается, проходил на улице, и что я обязуюсь в нем не участвовать. Я спросил: «Что, я подпишу и меня отпустят?» Мне ответили: «Ну да».

Я обратил внимание: за мной на лавке сидели парень с девушкой лет 25-ти, спокойные, абсолютно вменяемого вида. Я поинтересовался, что они делают в полиции. Они ответили, что их точно также задержали, только я выходил из метро, а они входили. Им дали такую же бумажку подписать, ничего не предъявляют, но и не отпускают.

Я понял, что даже если подпишу эту бумагу, которая не имеет никакого процессуального статуса, меня не отпустят.

Женщину-полицейского, у которой был мой паспорт, я попросил представиться. Я не знал ни как ее зовут, ни ее должность, а закон обязывает полицейских представляться. Ее очень удивило, что я знаю какой-то закон и требую от нее закон соблюдать. Она ответила мне что-то вроде: «Называйте меня старший лейтенант».

Это был восьмой отдел полиции на метрополитене. Я просидел в стеклянной будке около часа. Никто из полицейских — кто-то приходил, кто-то уходил, постоянно их было около пяти — не мог мне ответить, что я там делаю. Затем пришел, по-моему, майор и сказал: «Это тот умный, который соблюдения закона требует? Давайте со всеми с улицы доставим его в ОВД, откатаем ему пальчики и будем проверять по всем базам».

Откуда-то с улицы пришли другие сотрудники, сказали, что можно нас выводить. Почти ко входу в метро подкатали автозак ради нас четверых. Мой товарищ все это время стоял за стеклом будки. В автозак нас вели пять-шесть полицейских, часть из восьмого отдела метрополитена, а часть — ОМОНовцы или кто-то еще.

Грузили в автозак нас в районе шести вечера. Я спросил, на каком основании. Мне ответили: «Там всё объяснят». В автозак нас погрузили без применения силы. Когда мы заходили, других задержанных в нем еще не было. Автозак отъехал от метро и проехал на бульвары, где проходили основные протесты. ОМОНовцы прямо закидывали в автозак протестующих, некоторых били головой об автобусы. От митингующих я не видел никакого сопротивления.

В том числе задержали журналистов МБХ.Медиа, причем они были с камерами, удостоверениями и редакционными

заданиями, из автозак вели трансляцию на youtube. В какой-то момент в автозак закинули сотрудника, по-моему, МГТС. Он был в форме, с сумкой с какими-то своими проводами и инструментами. Он явно шел на вызов — вроде линию связи наладить.

В какой-то момент автозак набился, и мы поехали. Нас привезли в ОВД. На выходе из автозака моего товарища отпустили, меня — нет. Почему — не объяснили. Он ждал меня за забором, передавал воду в отдел. Двух сотрудников МБХ.Медиа тоже отпустили на входе в ОВД.

Нас доставили около семи вечера. Собрали в актовом зале. Пришел начальник ОВД, на удивление был очень вежливым, отвечал на вопросы. На мой вопрос, почему я задержан, он попросил подождать полчаса. Сказал, что затем надо будет какой-то протокол подписать, и меня отпустят. Было уже около восьми или девяти. Мы сидели там несколько часов без составления документов.

Меня вызвали первым — как человека, который больше всех возмущался. Я очень удивился, прочтя в протоколе, что я задержан по части 5 статьи 20.2 [КоАП], за нарушения на митинге. Я спросил, как так, мне ответили, что протокол составлял какой-то другой сотрудник. Я потребовал его позвать, мне ответили, что он уже ушел домой. Свое задержание в метро я почти полностью на телефон снял на видео.

Судя по рапорту полицейских, в 17:40 я находился не в метро, а у памятника Пушкину на улице и кричал «Допускай!», «Путин нехороший» или что-то такое. Хотя в этот момент я находился под надзором кучи камер и кучи сотрудников полиции восьмого отдела на метрополитене, еще двух задержанных в метро и моего знакомого. Рапорт был распечатан на принтере, и там было оставлено место, чтобы ручкой вписать фамилии задержанных.

Затем приехал следователь из Главного [управления] Следственного комитета по особо важным делам. Каким боком я их мог заинтересовать? Время было уже около 11-ти вечера. [Следователь] сказал, что я прохожу свидетелем по уголовному делу. Какому еще делу? Оказывается, по митингам 27 июля. В те выходные я находился в 100 километрах от Москвы, этому есть свидетели. Следователь мне отвечает: «Я вам не особо верю. Хотите вы или нет, я вас буду фотографировать. Будете сопротивляться — позову сотрудников полиции, и они будут вас держать». Ну, что делать: он меня сфотографировал.

Затем следователь изъясил у меня телефон, положили в конверт, запечатал его, я расписался на месте склейки. Записал, что телефон я выдал добровольно: хотя доброй воли моей никакой не было.

Время было около двенадцати, хотелось приехать домой и забыть об этом всем.

Ещё почитать

27.02.2026 Москва

В Москве в третий раз за неделю у здания Генпрокуратуры задержали пикетчицу из Северной Осетии